

Пастернак Борис Леонидович

29.01(10.02).01.1890 — 30.05.1960

Б.Л. Пастернак родился 29 января (1 февраля) 1890 года в Москве, в районе старых Тверских-Ямских в небольшом доме, построенном после московского пожара в 1817 году.

В силу биографических условий он с младенчества оказался на перекрестке больших трудов русской и мировой культуры, часть которых, и немаловажная, совершалась у него на глазах. Его отец был крупным художником — академиком, вечным тружеником, мать — выдающейся пианисткой. В доме запросто бывали Толстой, Скрябин, Серов, Ге. Из окна кухни можно было наблюдать за работой скульптора Паоло Трубецкого. Квартира примыкала к мастерским, где замечательные педагоги обучали молодых художников, многие из которых составили потом славу русского искусства. Таким образом, Пастернак с детства был включен в атмосферу серьезного творческого труда.

В четырехлетнем возрасте Борис Пастернак вместе со всей семьей переехал в казенную квартиру Училища живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой против почтамта.

В квартире Пастернаков устраивались небольшие домашние концерты, участие в которых принимали Скрябин и Рахманинов. Пастернак называл началом своего сознательного детства ночное пробуждение от звуков фортепианного трио Чайковского, которое играли для Л.Н. Толстого и его семьи. Это было 23 ноября 1894 года.

В 1901 году Пастернак поступил в Пятую Московскую гимназию, годы учения в которой совпали с упорными занятиями музыкой, приведшими к мечте о композиторской деятельности. Другим толчком его внутреннего роста послужили звуки сочиняемой «Поэмы экстаза». Он услышал их в лесу и, как оказалось, недалеко от той дачи, в которой жили Скрябины. Было это так. В 1903 году семейство Пастернаков снимало дачу в Оболенском под Москвой. Там они познакомились с соседями Скрябиными. Лето, проведенное в Оболенском, было чревато двумя событиями, сказавшимися на всей последующей жизни Пастернака: встречей с музыкой Скрябина, в результате которой он стал мечтать о композиторской деятельности, а с другой стороны — несчастным случаем, сделавшим его хромым.

Сочинять музыку он начал с 13 лет. Музыкальные сочинения Пастернака заслужили одобрение его кумира Скрябина. Ему предсказывалось композиторское будущее. Но Пастернака удручало отсутствие у него абсолютного слуха, этой редкой способности указывать высоту любой произвольно взятой ноты. Он оставил музыку оправданно для себя, неожиданно и огорчительно для окружающих. В его жизнь решительно входила поэзия.

Несчастный случай произошел с Пастернаком летом 1903 года: в результате будущей писатель стал хромым. Постоянным усилием воли Пастернак умел скрывать свою хромоту.

После всего этого он разом выбыл из двух предстоящих мировых войн и одной Гражданской. Если учесть, что эти войны, наряду с тремя революциями, стали для пастернаковского поколения средоточием истории, то ясно, что сама судьба изначально поставила поэта в позицию созерцателя, гостя на жизненном пиру, и предопределила глубинное своеобразие его исторического и художественного мышления. Не случайно он подчеркивал, что именно с этого «падения» начался его путь в творчество. Хромота стала знаком отмеченности, избранничества.

В четырнадцать лет Пастернак страстно увлекался музыкой, находился под сильным воздействием Скрябина. Уже тогда была и на всю жизнь осталась в нем жалость к женщине, как к существу поруганному, оскорбленному. Пастернак был крайне застенчив,

излишне целомудрен и в отношениях между полами боялся всего, что называл пошлостью.

Стихи Пастернак начал писать летом 1909 года, но первое время он не придавал им серьезного значения и свои занятия поэзией никак не выказывал.

В 1908 году Пастернак заканчивает классическую гимназию и поступает учиться на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета, которое заканчивает в 1913 году. Кроме этого, еще учась в гимназии, он за шесть лет прошел предметы композиторского факультета консерватории и готовился сдавать экзамен экстерном.

В сущности, в Пастернаке сказался не только потенциальный музыкант и потенциальный философ, но и профессиональный живописец. Начиная с детских воспоминаний и до последних дней, он всегда видел мир в своей поэзии, лирической и традиционной прозе, в красках и линиях. Пастернак как бы никогда не разлучался с мольбертом и палитрой, и мысленно смешивать краски для него было наибольшим удовольствием.

К 1912 году мать скопила денег и предложила ему поехать за границу. Пастернак выбрал Марбург, где в те годы процветала знаменитая философская школа, во главе которой стоял Герман Коген. Пастернак поехал на летний семинар. Его занятия протекали успешно, и внешним признаком этого явилось приглашение прийти к знаменитому философу домой — пообедать в кругу семьи и ближайших учеников. Но вдруг все переменялось. Пастернак на обед не пошел и внезапно уехал повстречаться со своей двоюродной сестрой, занимавшейся античной литературой. Тем самым он отказался от философской карьеры. На оставшиеся деньги он на две недели уехал в Италию. Внутренним основанием к этому изменению его планов, очевидно, послужило то, что он был совершенно чужд философской систематичности. И эта его чуждость подготовила его внешне внезапное решение. Его тянуло к пластическому восприятию действительности. О поэзии еще было рано думать, но она уже влияла на его судьбу, невидимо притягивая и выделяя. Он не стремился к изучению мира, он — созерцал. И, тем не менее, занятия философией не прошли для него даром, как и занятия музыкой. В его поэзии и прозе можно встретить постоянные попытки осмыслить эстетическое познание мира, своего рода эстетическую гносеологию, теорию поэтического познания мира.

Среди близких знакомых семьи особую роль сыграл поэт Р.М. Рильке. Увлечение его творчеством формировало поэзию Пастернака. Огромное значение в его жизни имел Маяковский, неизменно ценивший Пастернака.

С 1912 года Пастернак начинает заниматься литературной деятельностью.

Всю жизнь, начиная с рождения и до последнего дня, рядом с Борисом Леонидовичем были женщины, которых он любил. Сначала — мать, потом — жены.

На Волхонке, 14, появилась молодая хозяйка, первая жена поэта — художница Евгения Владимировна Пастернак, урожденная Лурье. Первым стихотворением Пастернака о жене-художнице стало «Ирпень». Здесь с любовью дан ее портрет:

Художницы, робкой как сон, крутолобость,
С огромной улыбкой, улыбкой захлеб,
Улыбкой широкой и круглой как глобус,
Художницы профиль, художницы лоб.

В этом эскизе портрета охвачена та милая, особенная привлекательность Евгении Владимировны, которая делала ее схожей с итальянскими мадоннами Кватроченто. Она походила на прототип женских образов Боттичелли.

Совместная жизнь Пастернака и Лурье продолжалась всего семь лет, несмотря на доброту и терпение мужа. Дело в том, что Евгения Владимировна недооценивала значительность его как поэта, как личности исключительной, требующей к себе особого внимания, нуждающейся в заботе близких. Она сама была талантливая портретистка и ей, очевидно, вовсе не хотелось жертвовать естественным влечением к этому своему призванию,

как это сделала когда-то в подобных обстоятельствах мать Бориса, выдающаяся пианистка Розалия, став женой большого художника Леонида Осиповича Пастернака. Евгения Владимировна не поставила интересы своего мужа-поэта «во главу угла» их общей жизни. Главное — не поставила внутренне, душевно. Осудить тут ничего и никого нельзя. Собственное призвание оказалось сильнее, чем любовь, чем осознание долга. Так эти две дороги и не слились воедино. Оба были людьми искусства, оба нуждались в заботе, в освобождении от житейских тягот. И оба страдали.

В конце 1929 года в жизнь Бориса Леонидовича вошла другая женщина — Зинаида Николаевна Нейгауз. Когда он познакомился с Зинаидой Николаевной, она была женой Г.Н. Нейгауза. Она тогда была очень хороша собой, и Борис Леонидович влюбился. Его влечение к ней было мучительным. Он ни о чем другом не мог думать, рвался к ней и боялся этих встреч, и презирал себя, и через силу приходил на свидания, порицая себя за трусость. Эта страсть должна была сломить препятствия, иначе кончилось бы каким-нибудь несчастьем. Вспыхнувшее чувство между этими людьми летом 1930 года привело к распаду двух семей.

Вскоре Борис Леонидович и Зинаида Николаевна стали мужем и женой. И вот, наконец, они оказались вместе, у них не было даже крова над головой, негде было приткнуться. По случаю им представил свою квартиру на Ямском Поле Пильняк, который сам куда-то уехал. Большая любовь — всегда переворот, ломка всего, беспощадное обновление души и жизни. Но в то же время — уж такова диалектика большой любви — она не соглашается ставить себя вне нравственного закона: из уважения к своей чистоте. Купить свое счастье ценою несчастья другого, других — для нее невыносимо. В этом трагедия конфликта между «вечным» правом любви и относительным «земным» правом нравственного миропорядка; особенно если эти «другие» тебе не безразличны, а напротив, другие достойны уважения и верности.

Жертвами этой самоистребительной диалектики были Борис Леонидович Пастернак и Зинаида Николаевна Нейгауз, жена человека, перед талантом которого она преклонялась, игру которого чтילה, мать его детей. Жертвой этой диалектики нравственного конфликта ощущал себя и Генрих Нейгауз, как человек, ставивший многое себе в вину, сознающий себя виноватым перед своей женой и перед другой женщиной, матерью его малолетней дочери. В том-то и беда, что никто из них не ощущал себя безвинным, но призванным великодушно собою жертвовать. Уж такие подобралась люди.

Так уж случилось, что в жизни Пастернака была и третья женщина. Ее имя — Ольга Всеволодовна Ивинская, 1912 года рождения, литературный переводчик. Она — Лара из романа *«Доктор Живаго»*. Она — олицетворение жизнерадостности и самопожертвования. Она была посвящена в духовную жизнь и во все писательские дела поэта, но так и не стала его женой. Пастернак и Ивинская познакомились в 1946 году. Тогда ей было 34 года и она работала заведующей отделом начинающих авторов в «Новом мире». Тогда, в 1946 году, почти одновременно начались их роман и работа Пастернака над романом *«Доктор Живаго»*. Одна из главных тем романа — судьба, ее перекрестки, то, что должно случится. И так вышло, что этот роман в прозе начал определять и судьбу этих двух людей. Когда они встретились, в их жизни позади было не счастье трагедий: самоубийство первого мужа Ивинской, смерть второго. Осиротевшие дети — Ира и Митя. А у Пастернака — семья, вторая жена, дети... Их счастье сочеталось с мучительными объяснениями. Они не раз уходили друг от друга, чтобы больше не встретиться, но не встречаться не могли.

В это время Борис Леонидович очень много переводит: Петефи, Гете, Шекспир. В переводах Пастернака критики нашли политическую неблагонадежность. Пастернак и Ивинская, конечно, испугались: обвинений было более чем достаточно, чтобы объявить Пастернака «врагом народа» и уничтожить.

6 октября 1949 года Ивинскую вечером увезли на Лубянку.

До сих пор остается загадкой, почему же не посадили самого Пастернака. Он часто говорил и делал вещи, просто невысказанные для того времени. Например, в самый разгар травли Зощенко Пастернак пришел в редакцию журнала «Новый мир». Ему представили молодого переводчика — Шера. Пастернак вскричал: «Боже мой, этот молодой человек так похож на бедного Михаила Михайловича!» Все просто оторопели. Зощенко — «отщепенец», «мерзавец» (как его тогда называли многие), а тут с такой лаской и нежностью. Когда судьба Бухарина была уже предрешена, Пастернак написал ему поддерживающее письмо, в котором прямо сказал: «Я не верю в вашу вину».

Тогда ходили слухи, будто Сталин в последний момент отменил арест Пастернака, сказав: «Не трогайте этого небожителя...»

Если это так, что ж, и тиран имеет право на минуты милосердия.

В 1955 году была закончена последняя глава романа *«Доктор Живаго»*. Роман был отвезен в разные редакции, но никто не взялся его публиковать. В 1956 году романом заинтересовался итальянский издатель Фельтринелли, и Борис Леонидович дал согласие на выход в свет романа в Италии. В ноябре 1957 года роман появился в Италии. Писатель был счастлив. 24 октября 1958 года стало известно о присвоении Пастернаку Нобелевской премии, а 25 октября печать открыла прямо-таки военные действия против Бориса Леонидовича. В «Литературной газете» и в других газетах обвиняли его в предательстве, называли Иудой, отщепенцем, сорняком, лягушкой в болоте и еще бог знает как... Его уговаривали отказаться от Нобелевской премии.

27 октября состоялось рассмотрение «дела Пастернака» в Союзе писателей, в результате которого Пастернак был исключен из числа его членов. Стенограммы этого заседания не сохранилось. Пастернак отправил телеграмму в Шведскую академию:

«В связи с тем, как было встречено присуждение мне Нобелевской премии в том обществе, к которому я принадлежу, я считаю необходимым отказаться от нее и прошу не принять это как обиду».

31 октября в Доме кино состоялось общее собрание московских писателей, которое одобрило постановление об исключении Пастернака из Союза писателей и обратилось к правительству с просьбой о лишении Пастернака советского гражданства.

Через несколько дней — снова звонок из ЦК. От Пастернака потребовали написать обращение к народу. Не было у них чувства меры... Борис Леонидович написал — сначала это было отнюдь не покаянное письмо. Ему направили «откорректированный» текст. Увидев это «свое» письмо, Пастернак лишь рукой махнул и подписал. Слабость? Да. Но куда больше просто бесконечная душевная усталость. Когда отчаяние достигло предела, Пастернак написал стихотворение:

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

(«Нобелевская премия»)

Этим стихотворением Пастернак в один миг зачеркнул свое унижение. Разом ответил за насильное покаяние, за то письмо, за все... Снова стал самим собой. Эти события, конечно, не могли не отразиться на здоровье Пастернака. В ночь с 6 на 7 мая случился инфаркт. Жить Борису Леонидовичу оставалось недолго. 30 мая 1960 года в 23.20 Борис Леонидович Пастернак умер.